

Е. В. Бурлуцкая (Банникова)**Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода**

В пореформенный период летний загородный отдых стал приобретать все большую популярность в связи с большей свободой загородной жизни, более тесной связью с природой, а также из-за более здоровых санитарно-гигиенических условий загородного проживания. Загородные дачные поселения формировали особую культуру повседневности, обладавшую рядом специфических черт. Летние поселки, появляющиеся рядом с крупными городами, предполагали различные формы дачного отдыха. В статье дан сравнительный анализ этой формы летнего досуга как в плане географического разнообразия, так и в контексте столичной и провинциальной дачной жизни. Выделяется специфика загородной летней жизни в городах Оренбургской губернии, определяются возможные причины указанных особенностей.

Ключевые слова: повседневность, провинция, досуг, дачный отдых.

Городская культура «нового типа», складывающаяся в крупных городских центрах Российской империи на рубеже XIX—XX вв., представляла собой как результат, так и причину социальной модернизации. Одним из признаков этой культуры становилась привычка загородного отдыха для горожан, реализуемая с помощью дач. Поскольку привычка дачного отдыха плавно перекочевала из досоветской городской повседневности в советскую, а затем и в постсоветскую, актуальным представляется исследование, направленное на выявление специфических черт дачной повседневности в отдаленной провинции Российской империи в начальный период складывания этой повседневности.

О «дачных пространствах» в исторической литературе к настоящему времени написано немного. Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы была проанализирована в статье А. В. Белова [2]. По мнению автора, причиной массового роста дачных поселков в Подмоскovie стало «высвобождение части крестьянской земли после уплаты выкупных платежей, активизация деловой активности и рост цен на землю в Москве и Подмоскovie» [2, с. 18].

Наиболее детально повседневность дачного отдыха в окрестностях Петербурга была исследована в монографии О. Ю. Малиновой-Тзиафета [13]. Автор рассматривает дачу как важнейший аспект российской разновидности урбанизации. К причинам быстро растущей популярности дач она отнесла ухудшающиеся санитарно-гигиенические условия жизни в крупных городах, стремительно развивавшиеся идеи о благотворном влиянии природы на физическое и нравственное здоровье человека и развитие железнодорожного транспорта. В то же время, как отмечает автор рецензии на эту книгу британский исследователь Стивен Ловелл [11], Малинова-Тзиафета не уделяет должного внимания поведению дачников, их отношениям с местным населением, обстановке загородных домов, способам решения бытовых проблем и т.д. При этом сам Ловелл является автором самостоятельной работы, посвященной дачному феномену в России [32]. Однако его книга пока не переведена на русский язык и недоступна широкому кругу читателей.

Дачный отдых в пригородах северной столицы подвергся осмыслению и в работе В. И. Мусаева [15]. Автор подчеркивает, что летний отдых на природе, за пределами города был связан с желанием жителей Петербурга «проводить свое свободное время в его пока еще не затронутых урбанизацией окрестностях» [15, с. 160], а интерес в этом плане к отдаленным живописным местностям финской части Карельского перешейка определялся относительно низкой стоимостью проживания и транспортной доступностью.

© Бурлуцкая (Банникова) Е. В., 2020

В статье С. В. Степанова, посвященной дачной местности в Стрельне [25], также констатируется тот факт, что именно «появление современного средства передвижения» — железной дороги, связавшей города, деревни и поселки, окружавшие Санкт-Петербург, с самой столицей, стало главной причиной массового оттока петербуржцев из города на дачу.

Из тематических публикаций следует отметить и статьи исследователя из Барнаула Д. С. Дегтярева [8; 9]. Правда, автор рассматривает дачи как часть городского пространства, в связи с чем его работы носят, как он сам утверждает, «не социокультурный, а историко-географический характер» [8, с. 100]. К причинам развития загородного курортного и дачного отдыха на Алтае Дегтярев относит «увеличение темпов урбанизации в регионе, что вызвало потребность в загородном отдыхе» [9, с. 58].

Новый вид летнего досуга жителей Пермской и Оренбургской губерний исследовал в своей статье А. Е. Перебейнос. Правда, дачный отдых оренбуржцев и челябинцев был проанализирован автором преимущественно по одному источнику — мемуарам челябинского чиновника К. Н. Теплоухова [23]. Статья И. М. Гвоздиковой повествует о летних усадебных комплексах («кочевках») оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского на территории Башкирии [7]. Хотя в указанной публикации содержится интересный материал о сезонной загородной жизни высшего чиновника Оренбургской губернии, тем не менее все же нельзя считать исследуемые автором «кочевки» полноценным вариантом дачного отдыха.

Таким образом, дача как своеобразный феномен повседневности еще не становилась предметом специального комплексного исследования на материалах Оренбургской губернии рубежа XIX—XX вв., что определяет новизну осуществленного в статье исследования. Его целью является анализ дачного загородного отдыха городских жителей Оренбургской губернии в сравнении с аналогичным вариантом сезонного досуга горожан столичных и других провинциальных регионов.

Дачный отдых соответствовал распространенным тогда представлениям о более здоровом проживании на природе: жизнь на даче была более свободной, дачники располагались не так скученно, как в городском доме или квартире. Почва и природные водоемы успешнее справлялись со всевозможными отходами, нежели городские дворы.

В столичных регионах дачи представляли собой массовое явление. Освоение загородных территорий, как отмечает А. В. Белов, определялось «в первую очередь степенью достижимости и наличием обязательных атрибутов, необходимых для дачного отдыха (места для гуляния, отдыха и рыбалки; сухой лес, способствующий профилактике туберкулеза; возможность получать продукты и товары из Москвы и др.)» [2, с. 19]. То есть важнейшими обстоятельствами развития этой формы досуга было наличие пригородного сообщения (лучше всего железнодорожного) и развитой инфраструктуры. При наличии указанных обстоятельств вокруг Москвы и Петербурга стали складываться крупные дачные комплексы, обладавшие уличным освещением, мощеными улицами, разнообразными вариантами коллективного досуга (театрами, спортивными сооружениями и пр.).

На Алтае в начале XX в. также существовало несколько дачных поселков различной степени благоустроенности, имелись как ведомственные, так и частные дачи. К необходимым условиям успешной эволюции дачного отдыха Д. С. Дегтярев отнес транспортную «доступность, наличие рек для купания и рыбной ловли, лесов для сбора ягод, грибов и шишек, благоприятного микроклимата, а также минимально допустимый уровень комфорта» [8, с. 102].

Следовательно, и в столицах, и в провинции для превращения дач в устойчивый элемент жизненного уклада горожан требовалось три условия — возможность осуществлять

связь с дачными поселениями с помощью извозчика или другого транспорта, приемлемый уровень благоустройства дачных поселков, а также наличие природных ресурсов, обладавших рекреационными свойствами.

А. Е. Перебейнос назвал одно из наиболее любимых мест дачного строительства жителей Перми — поселок Нижние Курьи на правом берегу Камы, который к началу XX в. обзавелся собственной церковью, несколькими магазинами, был окружен сосновым лесом, т.е. вполне соответствовал представлениям о комфортном летнем отдыхе. А вот Верхние Курьи обладали сравнительно редким лесом, находились в зоне задымления от Мотовилихинского завода, что, тем не менее, не мешало селиться дачникам и здесь. Ведь дачи в Верхних Курьях стоили вдвое дешевле, чем в Нижних Курьях. А значит, люди, обладающие скромными доходами, невзирая на неудобства, предпочитали строить дачи именно там [23, с. 421].

Много пермских дачников жило в деревнях, расположенных неподалеку от города, где стоимость аренды простой крестьянской избы была совсем невысока. Особенно популярными были селения, обладающие пароходными пристанями или расположенные вдоль железной дороги. По словам исследователя, около трети жителей Перми «из интеллигенции на лето удаляются на дачи и приезжают в город только для исполнения служебных обязанностей или за покупками» [23, с. 422].

В окрестностях Казани, по словам С. Ю. Малышевой, посвятившей свою монографию культуре досуга провинциальных горожан, дачи были организованы по берегам Волги, «а с постройкой железной дороги — и в местности поблизости от станций». В дачный сезон по Волге пускались так называемые «дачные пароходы» «Казанец», «Константин». «Уфимец», «Лиза» и другие, возившие пассажиров вниз по течению до Спасска и вверх — до Свияжска [12, с. 127].

В Оренбургской губернии дачный отдых стал желаемой формой сезонного досуга не столько из-за ускоренной урбанизации, сколько из-за сложных климатических условий, особенно в летний период, а также в силу плохого санитарно-гигиенического состояния городов. По словам учителя-инспектора 1-го оренбургского городского трехклассного училища И. С. Хохлова, лето в регионе было «тяжелым и томительным временем в году» [29, с. 38]. Доктор медицины М. М. Кенигсберг писал о сильных ветрах, называемых на местном наречии «буранами». Летние бураны отличались «зноем, ими наносимым: при них обдаёт раскаленным ветром, как паром; густая пыль стоит и кружится в воздухе на необозримом пространстве» [10, с. 42]. Даже при закрытых окнах и ставнях носимая ветром пыль проникала в дом и оседала везде. Эти ветра и пыль, сухой воздух и отсутствие зелени производили на горожан «томящее душу впечатление» и «раздражали нервы» [1, с. 74].

Во дворах оренбургских усадеб привычную картину представляли «кухонные отброски, грязь, навоз и нередко даже прямо человеческие экскременты, за неимением во многих домах даже плохих отхожих мест». Весной вся эта грязь направлялась домохозяйками прямо на улицу в расчете «на очищающую силу весенних вод». Даже в лучшей первой части города можно было встретить трупы дохлых кошек и собак [10, с. 62].

В Челябинском уезде, по словам И. С. Хохлова, летом «воздух наполняется гнилостными испарениями, которые поднимаются с бесчисленных озер и болот, а вода заражается разными гниющими веществами» [29, с. 40]. Лихорадка была обычным явлением в кварталах Челябинска, примыкающих к Миассу [6, с. 25]. Пытаясь сбежать от жара, пыли, смрада и миазмов, горожане устремлялись за город, на воздух, «на природу».

История дачного отдыха в Оренбурге берет начало с загородной дачи оренбургских военных губернаторов, так называемого «архиерейского дома», устроенной к северо-за-

паду от Оренбургской крепости в конце XVIII в. Пространство занимало 9 десятин земли и соединялось с городскими Сакмарскими воротами протяженной ивовой аллеей, таинственным образом исчезнувшей в середине XIX в. Усадьба, по словам П. Н. Столпянского, «состояла из дома, двух флигелей, оранжереи и сада» [26, с. 24]. Однако уже при губернаторе В. А. Перовском это владение было подарено оренбургскому полицмейстеру (сам Перовский на лето уезжал в Башкирию и, кроме того, был владельцем еще одной дачи в Зауральной роще), от него перешло к супруге начальника оренбургской таможни, госпоже Роде, купившей дачу всего за три тысячи рублей, а затем — к оренбургскому генерал-губернатору А. А. Катенину. Последний заплатил за усадьбу уже 11 429,8 руб. [26, с. 24].

Однако даже во второй половине XIX — начале XX века в Оренбургской губернии дачи не стали массовым явлением. Позволить себе отдых на природе могли лишь зажиточные горожане. «Дачными местами» в губернской столице были Зауральная роща и гора Маяк. Как отмечалось в газетной статье, «в рощу выселяется деловой или безлошадный люд, а на Маяк — люд менее деловой или имеющий свой выезд» [20].

В качестве места прогулок горожан Зауральная роща стала впервые использоваться при военном губернаторе П. К. Эссене. «Он приказал проложить аллеи, засыпать их песком, произвести посадку деревьев, выбрать и облагородить места под общественные пляжи. Прогуливающимся развлекал музыкальный хор. На одной из площадок на берегу реки был выстроен небольшой «вокзал», несколько деревянных палаток для игры в карты и «арена» для музыки. Также были поставлены несколько скамеек и столиков для любителей пить чай или ужинать под открытым небом» [5, с. 91].

Зауральная роща в Путеводителе-справочнике по г. Оренбургу Н. И. Бодрова-Повираева за 1908 г. была названа аналогом московских «Сокольников». «На площадке, в центре дачных построек, стоит небольшая, но красивая дачная церковь во имя св. Пантелеймона, в которой по праздникам, летом, поет хор дачников-любителей», — указывалось в Путеводителе [4, с. 39]. В Путеводителе П. Д. Райского об этой же церкви сказано, что церковь «Пантелеймоновская в честь Св. великомученика Пантелеймона — деревянная, миниатюрная, в Зауральной роще, устроена в 1893 году средствами дачников для удовлетворения их религиозных нужд в летнее время» [24, с. 115].

Летом в праздничные дни роща наполнялась горожанами, «ищущими отдыха от городской сутолоки, пыли и палящего зноя. Роща оживляется, оглашаясь звуками русских и татарских песен, гармонике и смешиваясь в один общий гул с стройными звуками роялей дачников, заунывная башкирская или киргизская песня сменяется порой звуками модных романсов и криками “караул!” — это действуют хулиганы» [4, с. 39]. «Повсюду виднеются группы людей с кипящими самоварами, слышится хлопанье пробок и веселый говор отдыхающих на лоне природы» (цит. по: [24, с. 173]). Веселые компании катались на лодках по Уралу, распевая песни. Возможно, именно от этих гуляний родилась традиция «маевок», так любимых нынешними оренбуржцами.

Дачи на Большой поляне в Зауральной роще, рядом с городом, были достоянием только людей «ближнего круга». Годовая арендная плата в конце XIX в. там составляла 120 рублей за десятину [20]. Здесь располагалась дача самого губернатора. Однако даже дачи в Зауральной роще имели «вид сельских домиков», возвышаясь «над горизонтом земли» не более чем на сажень [14, с. 45].

Губернатор А. П. Безак сделал вокруг своей дачи ограду, за которую пускались только приглашенные. С августа, «когда наступали темные вечера, дача украшалась и освещалась цветными бумажными фонариками. Сам Александр Павлович говорил, что вид его дачи и гуляющей публики напоминает парижские бульвары» [30, с. 182]. На Большой

поляне время от времени происходили «народные гулянья, с музыкою, иллюминациями, фейерверками и общедоступными *аллегри* [лотереями. — *Е. Б.*] в пользу бедных» [14, с. 45].

Типовой дачи не существовало — все устраивались в соответствии со своими финансовыми возможностями. Заселялись дачники с наступлением тепла, как правило, в начале мая. В основном на даче жили женщины и дети — отцы семейства работали и часто постоянно жили в городе, навещая семью по выходным.

«Оренбургские дачники, — по словам М. Михайлова, — за исключением немногих, имеющих дачи в роще, живут в некоторых станицах по Уралу и в окрестных деревнях» [14, с. 46], например в Бердах, снимая на лето обычные крестьянские избы. «Другой сорт» дачников заселялся в киргизские кибитки («конического вида палатки, обитые войлоком»), ставя их в Зауральной роще или на берегу реки Сакмары. «Пару таких палаток, стоящую примерно до 40 рублей, считают весьма достаточным помещением для небольшого семейства. В таком случае одна из палаток (господская) убирается коврами и необходимой мебелью; другая же (людская) служит кухней и жилищем для прислуги. Подобных, наскоро импровизированных, дач в окрестностях Оренбурга можно встретить немало, но все они располагаются отдельно одна от другой, как будто оренбуржцы сами бегут общества» [14, с. 47].

Таким образом, одной из наиболее ярких специфических черт дачного отдыха в Оренбурге был способ проживания дачников, связанный прежде всего с близостью азиатских территорий и перениманием части азиатских обычаев. Проживание в палатке-юрте было ощутимо более дешевым вариантом летнего отдыха, нежели в арендованном или собственном доме.

Ездили оренбуржцы также на берега реки Сакмары, «с самоварами, отправляя последние, вместе с холодным ужином, на особой подводе». Иные посещали Маячную гору, чтобы «прослушать зорю в кадетском лагере, или отправляются к пугачевским батареям — четырем небольшим холмам, которым народная молва присвоила это историческое название» [14, с. 46]. Военный инженер, генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг писал, что лето 1842 г. он «провел с семьей на Маяке, на берегу Сакмары, в 7 верстах от Оренбурга, на вилле графа Цукато, окруженной лесом и лугами» [3, с. 251].

Дача на Маяке графа Н. Е. Цукато, наказного атамана Оренбургского казачьего войска, в середине XIX в. перешла в руки чиновника по особым поручениям при губернаторе Перовском Кузьмина-Караваева. Частным владением Маяк был до 1897 г., после чего эта территория была выкуплена у владельца за 60 тыс. руб., перешла в городскую собственность и стала сдаваться под дачи [26, с. 58].

Если Зауральная роща была оренбургскими «Сокольниками», то «Маяк для Оренбурга то же, что Воробьевы горы для Москвы. С Маяка открывается чудный вид на город и ближайшие к нему селения: Подгороднюю Покровку и Бердский казачий поселок», — писал П. Д. Райский [24, с. 139]. На Маяке, по его словам, находились «лучшие в гигиеническом отношении городские дачи; при одной из них в 1902 году открыт санаторий для учащихся в министерских школах. Для дачников на Маяке устроен особый водопровод» [там же].

Как отмечал П. Н. Столпянский, устройство водопровода «в дачной местности, когда городской водопровод находится чуть ли не в хаотическом состоянии», было вызвано «совершенно особыми, специфическими условиями». Дело в том, что большинство «маячных» дачников были гласными Оренбургской городской думы, которые таким образом, за счет городского бюджета, решили свои бытовые проблемы [26, с. 58].

Выезжающие на дачи оренбуржцы вообще сталкивались с большим количеством разнообразных проблем, о которых повествовала «Оренбургская газета». «Рошинские дачники» были теснейшим образом связаны с городским пространством как хозяйственными, так и служебными необходимостями. Большая часть этих людей жила на даче «только наполовину, оставляя в городе свои дома, квартиры, имущество и хозяйство». Однако за «право подышать в течение 2 и 2½ летних месяцев относительно порядочным и ненасыщенным горячей пылью воздухом» они платили очень дорогую цену, заключающуюся не только в высокой стоимости дачного жилья.

Между городом и рощей отсутствовала удобная и надежная дорога. Левый берег Урала, по которому можно было добраться до дачного массива, ежегодно подмывался и фактически уничтожал путь, ведущий в рощу. Стремящимся добраться до своих дачных домиков горожанам приходилось «ежеминутно рисковать сломить шею или же слететь вместе с лошадей в Урал». Приходилось «ехать по самому краю высокого берега из слабого грунта, дорожка настолько узка, что местами невозможно разъехаться. Не только ночью, но и днем проезд по берегу требует большого искусства, и многие возчики отказываются возить в рощу», — писала «Оренбургская газета» [20]. Бывали случаи опрокидывания экипажей с пассажирами в реку.

Трудности с транспортной доступностью дач, очевидно, были сопряжены и с проблемами в обеспечении дачников провизией. Поскольку продукты требовалось доставлять с городских базаров, кухарки либо были вынуждены ежедневно пешком посещать торговые точки Оренбурга, либо испытывали общие со всеми дачниками проблемы, перевоза крупные партии продуктов на извозчиках.

К плохой дороге добавлялось отсутствие ночного фонарного освещения. В итоге, как отмечали авторы заметки, беспокойно «живется в роще, в особенности в праздничные дни. Почти всю ночь слышится разгульная пьяная песня, шум, драки, крики о помощи и т.п. Все это напоминает дачнику о необходимости предупредительных и оборонительных мер». Каждый дачник должен был обеспечить себя средствами самозащиты — огнестрельным или холодным оружием. Имелись даже дачи, которые сдавались внаем «вместе со старинными саблями, гулявшими быть может по головам турок, сартов, техинцев и т.п.» [20].

Вообще, проблема безопасности для оренбургских дачников была очень актуальной. Так, «Оренбургская газета» в июле 1898 г. писала: «Вечерние же путешествия по роще положительно небезопасны: то начинают приставать подозрительные оборванные татары, от которых прохожий освобождается благодаря какому-нибудь счастливому случаю, то слышишь в кустах около самой дороги засаду, из которой не делают нападения только благодаря тому, что идешь не один. Роща очень удобна для нападений на проходящих: абсолютная темнота и невозможность получить своевременную помощь. Проходя по роще, не видишь охранителей порядка и тишины». Автор заметки в городской хронике требовал от городских властей « позаботиться о безопасности и спокойствии многочисленных дачников, которые вопияли и вопиют к городской управе» [17].

Таким образом, можно констатировать, что в Оренбурге отсутствовало одно из важнейших условий, позволявших развиваться дачному варианту летнего досуга, — транспортная доступность. Невозможность комфортно добраться до мест дачного отдыха значительно сужала сферу его распространения. Свою роль играла и криминогенная обстановка, сложившаяся в дачных массивах за Уралом.

Отсутствовали в Оренбурге и характерные для столиц такие формы дачного досуга, как театральные постановки или спортивные соревнования. Здесь, по-видимому, сказывалась разобщенность оренбургского социума, связанная с разностью его этнического,

конфессионального, поселенческого происхождения, стремление обособиться от окружающих узким семейным кругом или небольшой группой близких. В такой ситуации единственно доступными способами избавиться от дачной скуки были прогулки и купание.

Как отмечает в своей статье С. Г. Шлеюк, купание «на глазах публики считалось непристойным поведением, поэтому в Оренбурге у моста через Урал со стороны Зауральной рощи были устроены “торговые” (платные) купальни. Купальни были различных типов — общие и номера, за которые взималась различная плата. В номерах, в отличие от общих купален, имелись кабинки для переодевания, скамейки для отдыха, ступеньки для спуска в воду. Существовали и дорогие номера, в которых был предложен еще более широкий перечень удобств для состоятельной публики» [31, с. 228].

К. Н. Теплоухов, акцизный чиновник из Челябинска, в своих мемуарах описывал дачный отдых своего семейства. В 1899 г. он с семейством обосновался на лето в 8—10 верстах от Челябинска в поселке Смолинский на берегу озера. Вода в озере, по слухам, была целебной, и многие челябинцы предпочитали проводить лето там, отдыхая и оздоравливаясь одновременно. Теплоухов каждое утро по делам службы уезжал в Челябинск. После обеда «возвращались в три часа; жена и дети гуляли, купались — ребята весь день на озере. Вечерами тоже гуляли, играли в крокет у нас во дворе, иногда играли в карты», — писал Константин Николаевич [28, с. 15].

В 1904 г. он вместе с коллегой отправили своих жен и детей в поселок Багровку («Хомутино тож»), расположенный уже в 70—80 верстах от Челябинска. «Там разные целебные озера, близко сосновый бор, спокойная недорогая жизнь и проч., и проч.», — писал Теплоухов [28, с. 57]. Поселок, правда, оказался совсем маленьким, а съемная квартира очень плохой. Но вот озера вызвали у Константина Николаевича большой интерес: «В самом селении — щелочное, — вода прозрачная, на вкус весьма скверная. Бабы моют на озере белье и проч. и обходятся без мыла, вода смывает всю грязь. В двух-трех верстах есть еще такое же, но уже прямо щелок, — моются сами без мыла. За поселком — в одной-полутора верстах — небольшое, саженей 200 в диаметре — горько-соленое, — когда при купании попадает в рот вода, плюнешься несколько раз, пока не выплюешь всю соль. В жаркие дни после купания сидели на песке не одеваясь, и на высохшем теле появлялись мельчайшие кристаллики солей...

<...> Семья... гуляла по окрестностям, — бор хороший; купались во всех озерах — чаще в горько-соленом; собирали ягоды... жили по-дачному. Насчет провизии было неважно, но общими силами доставали» [28, с. 57]. То есть в оздоровительном плане дачные места неподалеку от Челябинска еще соответствовали ожиданиям горожан, а вот степень благоустройства этих поселков была крайне низкой.

На несколько дней в Багровку приезжал и сам Константин Николаевич. Свое времяпрепровождение он описывал так: «Спал, гулял с ребятами в бору, ходили по озерам, купались. В щелочном озере ловили руками мормышей, их так много, что рыбы почти не было, — мормыши съедали всю икру. Играли с ребятами и Кузнецовым в лапту...» [28, с. 58].

В мемуарах К. Н. Теплоухова сообщалось о том, что, находясь за городом, дамы часто осваивали непривычный для них новый вид транспорта — велосипед. Так, одна из его соседок «приобрела дамский велосипед, сшила спортивный костюм» и вместе с Константином Николаевичем стала совершать прогулки на 7—10 верст и обратно. Училась ездить и жена Константина Николаевича: «Уходили подальше от жилья, снимала верхнюю юбку и усаживалась на велосипед — я держал. Жена научилась довольно скоро, но

трусила и требовала, чтобы я все время был около нее; я мог бежать рядом с велосипедом минуты две-три, потом выдыхался, — а она одна не рисковала» [28, с. 34].

Велосипедисты становились темой для городского фольклора. Так, в «Оренбургской газете» был размещен анекдот под названием «Разговор»:

«— А я никогда не вышла бы замуж за велосипедиста!

— Почему же, Машерочка?

— Помилуй, они в 4 час. 30 мин. пролетают сто верст. Этак отпустишь мужа показаться на велосипеде, а он за тридевять земель и укатит!..» [20].

В Илецкой Защите местной достопримечательностью служило «соленое озерко» (современное Соленое озеро, или озеро Развал). Как писал современник, вода в нем была «чиста и прозрачна, как в горном источнике». Высокая концентрация соли не давала купающимся погружаться в воду и оставляла их плавать на поверхности. Общественное мнение приписывало «здешним водам целебное действие, особенно для страждущих ревматизмами. Впоследствии времени для значительных посетителей здесь устроены три ванны, а охотники из простонародья купаются в озерке для потехи; особенного действия соленой воды на организм объяснить не могут, кроме того, что “в волосах оседает соль”» [16, с. 198—199].

Арендатором солелечебного курорта в Илецкой Защите в конце XIX в. был врач Юрий Тимофеевич Лебедев. Курортный сезон был открыт 20 мая 1878 г. Для желающих поправить здоровье был предоставлен «вокзал», «украшенный резьбой в “русском вкусе”», способный вместить до 200 пациентов. Как отмечает в статье, посвященной этому курорту, Т. В. Судоргина, здесь «находились кабинеты докторов, библиотека, зал для любительских спектаклей, несколько номеров для жилья. Для детей было обустроено отдельное озеро, с садом по берегу. Рядом с вокзалом построили здание для теплых ванн» [27]. На озере Развал курортники могли кататься на лодках и водных лыжах или просто принимать грязевые и солнечные ванны. Досуг могли составлять конные прогулки (в экипажах или верхом), рыбалка, охота, музыкальные вечера и спектакли.

Для отдыхающих были выстроены дачные домики, а также арендовано несколько десятков киргизских кибиток. Аренда квартир стоила от 10 до 50 рублей в месяц «с обстановкою». Там же, на месте, можно было получить и питание — завтрак из двух и обед из трех блюд стоил от 50 копеек до 1 руб. 50 коп. Стоимость детского отдыха составляла $\frac{2}{3}$ от стандартной цены [27].

Ежедневно в Оренбург и обратно всех желающих возил специальный дилижанс. По словам Ю. Т. Лебедева, которые приводит в своей статье Т. В. Судоргина, проезд из Оренбурга стоил «от 1 до 2 рублей; отдельно же — от 6 до 10 рублей, смотря по экипажу и числу лошадей. Нелишним считаю сказать, что дорога в Илецкую Защиту ровная, и езда в 75 верст продолжается от пяти до шести часов» [27].

После пожара, случившегося в ноябре 1878 г., работа илецкого солелечебного курорта была возобновлена, но цены для приезжих были повышены. Газета «Оренбургский листок» от 4 июля 1882 г. сообщала: «...квартиры дороги. Скромное жилье в сутки от 50 коп. до 1 рубля, а семейное — до двух рублей. Обед из трех блюд в месяц — 15 рублей, порция — 40 копеек. Самовары бесплатно. Лучше жить прислуге: с нее берут за обед и за ужин всего семь рублей в месяц» (цит. по: [27]).

В 1900 г., судя по слухам, ходящим в Оренбурге, аренда должна была перейти к оренбургскому купцу С. И. Назарову, который с другими оренбургскими предпринимателями (П. Н. Оглодковым, Н. А. Дюковым, В. М. Деевым) был арендатором Илецкого соляного промысла. На эти административные изменения горожане возлагали большие надежды, поскольку «новые арендаторы предполагают существенно улучшить устройство и содер-

жание курорта: так, предполагается построить большую гостиницу, обширный курзал [помещение, предназначенное для отдыха и проведения культурно-развлекательных мероприятий. — *Е. Б.*], увеличить медицинский персонал и проч.». «При умелом ведении дела, известных затратах на правильное устройство курорта и *проведении на Защите ветки жел. дор.* [выделено нами. — *Е. Б.*] этому курорту... предстоит блестящая будущность», — писали авторы заметки в «Оренбургской газете» [21]. И вновь мы видим, что решение транспортной проблемы виделось авторам газетной публикации необходимым условием для развития указанного загородного места отдыха. Однако, судя по источникам, серьезных перемен в организации илецкого курорта так и не произошло.

На дачи в Оренбурге выезжали не только отдельные семейства, но и целые учебные и воспитательные заведения. Газеты того времени часто публиковали заметки о дачном отдыхе воспитанниц Николаевского института или детей, находящихся в приютах. Так, например, «Оренбургская газета» в июле 1898 г. писала о том, как дети из оренбургского Института императора Николая I совершили прогулку с дачи «Маяк» в село Покровку. С раннего утра в Покровку была отправлена телега с провизией, для девочек наняты были экипажи-долгуши, а для представителей администрации и гостей — две тройки. Процессия выехала в половине одиннадцатого утра. «Пыльную часть дороги до Покровского моста проехали в экипажах, затем дети вышли из долгуш и пешком отправились к месту назначения». Пешую прогулку с девочками совершила и начальница института княгиня Оболенская. Весь день воспитанницы провели на берегу реки Каргалки: «гуляли, играли и катались на лодке. Здесь же в лесу был предложен обед, чай и фрукты». В половине девятого вечера прогулка закончилась, и все в экипажах вернулись обратно на институтскую дачу, где детей ждал ужин [18].

Тогда же, в июле 1898 г., состоялся переезд на «маячную» дачу приюта для детей неимущих родителей. «Благодаря любезности городского головы и думы, — писала газета, — приюту предоставлено прекрасное помещение несданной в наем дачи в 8 комнат со всеми необходимыми хозяйственными приспособлениями. Благодаря любезности г. Графа (дачевладельца Маяка) приюту предоставлена возможность пользоваться его купальнями». По словам автора газетной заметки, дети были счастливы «побывать среди прекрасной природы “Маяка”». За месяц пребывания на природе воспитанники должны были «набраться сил на учебный зимний сезон» [19].

Судя по этим заметкам в прессе, дачный отдых рассматривался именно как способ восстановления и укрепления здоровья, прежде всего детского. «Маячные» дачи, обеспеченные водопроводом, в этом отношении были более приспособленными для детского отдыха.

Помимо Зауральной роши и горы Маяк, на рубеже XIX—XX вв. загородные дома стали появляться и в других пригородах Оренбурга. Так, в «Оренбургской газете» за 1900 г. содержалось объявление следующего содержания: «Дача дешево продается в 12 верстах от Оренбурга в генерал-губернаторских лугах, у Чернецова озера, по павловской дороге. При даче имеются: 2 флигеля, службы, фруктовый сад, чигирь [водоподъемное устройство в виде колеса с ковшами. — *Е. Б.*] и 12 десятин земли. Дача сия сдается в наем на лето 1900 г. О цене узнать у податного инспектора г. Оренбурга в доме Вилькевич по Солдатскому переулку» [22].

В начале XX в. объявлений о продаже дач и дачных участков в оренбургских газетах встречается все больше. По-видимому, отсутствие налаженного транспортного сообщения стало непреодолимым препятствием для развития данной формы сезонного досуга.

В итоге следует констатировать тот факт, что на рубеже XIX—XX вв. дачный отдых превратился в весьма распространенную форму сезонного досуга. Если в Москве пере-

езд горожан на дачи был связан главным образом с трансформацией системы землепользования и ростом цены на землю в черте города, а в Петербурге — с последствиями урбанизации (ухудшающимися санитарно-гигиеническими условиями), в других регионах Российской империи этот вариант летнего отдыха был обусловлен в основном желанием горожан побыть на природе, в окружении живописных пейзажей, в более свободной, неформальной обстановке. Практически везде стимулом для развития дачного отдыха стала модернизация транспортной системы (организация железнодорожного или паровозного сообщения с потенциальными местами отдыха).

Говоря об особенностях организации дачного отдыха в городах Оренбургской губернии, следует отметить первоочередную рекреационную и оздоровительную функцию дач. Особенности оренбургского климата делали выезд на дачи совершенно необходимым для горожан способом поправки здоровья. Именно поэтому солелечебница в Илецкой Защите, при наличии эффективного управления курортом, имела все шансы стать популярным местом летнего отдыха.

Развлекательная функция дачного отдыха была отдана на откуп самим отдыхающим, предпочитавшим массовому организованному досугу (например, постановкам в любительских театрах, самодеятельным концертам) маленькие «частные» удовольствия, например, прогулки, купания, велосипедные выезды, пикники и пр. Причина такого положения дел крылась, очевидно, в разобщенности оренбургского социума.

Ограниченность мест, пригодных для организации дачного отдыха, а также отсутствие продуманных мер по созданию дачных поселков (определение места, разбивка участков, коллективная застройка и пр.) привели к тому, что в Оренбургской губернии дачный отдых не превратился в массовое явление, оставаясь привилегией городской аристократии, которую не смущали высокие арендные цены и отсутствие организованного транспортного сообщения с дачными районами.

Список использованных источников и литературы

1. Белавин К. Оренбург: географическо-статистический очерк. Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1891. 126 с.
2. Белов А. В. Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 18—29.
3. Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М. : Наука, 1978. 358 с.
4. Бодров-Повираев Н. И. Иллюстрированный путеводитель-справочник по городу Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. Оренбург : Паровая типо-литография Дворжец, 1908. 106 с.
5. Бурлуцкая (Банникова) Е. В., Абдрахманов К. А. Прогулки как вариант досуговой повседневности горожан Оренбурга во второй половине XIX в. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 87—92.
6. Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности : карманный справочник. Челябинск : Типография Л. Б. Бреслиной, 1909. 138 с.
7. Гвоздикова И. М. Резиденции элиты власти в Оренбургской губернии в конце XVIII — середине XIX в. // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы : сб. статей / отв. ред. Ю. М. Абсалямов, М. И. Роднов. Уфа, 2012. С. 38—70.
8. Дегтярев Д. С. Дачные местности в пригороде Томска в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-1 (88). С. 99—103.
9. Дегтярев Д. С., Тихобаева Л. С. Историко-географические образы дачных и курортных мест Алтая второй половины XIX — начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 57—61.
10. Кенигсберг М. М. Опыт медико-топографического исследования г. Оренбурга [с картой города, таблицами и диаграммами] : диссертация на степень доктора медицины М. М. Кенигсберга. СПб. : Семеновская типо-литография, 1886. 202 с.
11. Ловелл Ст. Ольга Малинова-Тзиафета. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914). СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с. // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 386—389.

12. Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX — начала XX века. М. : Academia, 2011. 192 с.
13. Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.
14. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортком Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форты № 1. СПб. : Тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
15. Мусаев В. И. Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX — начале XX в. и финляндское общественное мнение // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4. С. 160—176.
16. Небольсин П. И. Рассказы проезжего. СПб. : Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854. 345 с.
17. Оренбургская газета. 1898. № 417. 9 июля.
18. Оренбургская газета. 1898. № 419. 11 июля.
19. Оренбургская газета. 1898. № 421. 14 июля.
20. Оренбургская газета. 1898. № 437. 2 авг.
21. Оренбургская газета. 1900. № 879. 5 марта.
22. Оренбургская газета. 1900. № 892. 21 марта.
23. Перебейнос А. Е. Дачный отдых — новый вид летнего досуга уральского населения в конце XIX — XX в. // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения В. П. Бирюкова. Челябинск : Абрис, 2013. С. 421—424.
24. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург : Губ. типография, 1915. 178 с.
25. Степанов С. В. Общественная и литературная жизнь окрестностей Санкт-Петербурга (на материалах истории дачной местности в Стрельне) // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели культуры и искусства, писатели, аспиранты вузов, коллекционеры, ветераны минувшей войны об историческом и культурном достоянии. СПб. : Ленингр. обл. отделение Всерос. общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», 2018. С. 80—85.
26. Столпянский П. Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург : Оренб. губ. тип., 1908. 400 с.
27. Судоргина Т. В. «Вода и грязи илецкие чудодейственны...» // Вечерний Оренбург. 2003. 20 авг.
28. Теплоухов К. Н. Мемуары: 1899—1934. М. : Лист Нью, 2011. 717 с.
29. Хохлов И. С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург : Тип. Оренб. духовной консистории, 1896. 139 с.
30. Чернов И. В. Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И. В. Чернова. Оренбург : Оренбургская губерния, 2007. 272 с.
31. Шлеюк С. Г. Вклад оренбургского купца А. А. Белова в создание городского общественного досугового пространства набережной реки Урал [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3 (27). С. 217—231. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/19_27_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.19.
32. Lovell St. Summerfolk: A history of the dacha, 1710—2000. Ithaca and London : Cornell University Press, 2003. XVII + 260 p.

Поступила в редакцию 18.03.2020

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент
 Оренбургский государственный педагогический университет
 Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: ida777@yandex.ru

UDC 94(470.56).08

E. V. Burlutskaya (Bannikova)**Country rest in the Orenburg province during the post-reform period**

In the post-reform period summer countryside vacations became more popular because life outside the city offered more freedom, a closer connection with nature, and healthier sanitary and hygienic living conditions. Countryside dacha communities formed a specific culture of everyday life with a number of distinctive features. Summer settlements appearing next to large cities were tied to various forms of leisure activities. The article provides a comparative analysis of this form of summer leisure both in terms of geographical diversity, and in the context of metropolitan and provincial country life. The specificity of suburban summer life in the cities of the Orenburg province is highlighted, the possible causes of these features are determined.

Key words: everyday life, province, leisure, summer cottage vacation.

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Orenburg State Pedagogical University

Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19

E-mail: ida777@yandex.ru

References

1. Belavin K. *Orenburg: geograficheskoye-statisticheskoye ocherk* [Orenburg: geographical and statistical essay]. Orenburg, Tipo-litografiya Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1891. 126 p. (In Russian)
2. Belov A. V. Kul'tura dachnogo otdykha v okrestnostyakh Moskvy (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Country cottage and culture of summer holidays in the XIX—XX centuries in Moscow Province]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur — Bulletin of Slavic Cultures*, 2014, no. 1 (31), pp. 18—29. (In Russian)
3. Blaramberg I. F. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 358 p. (In Russian)
4. Bodrov-Poviraev N. I. *Illyustrirovannyi putevoditel'-spravochnik po gorodu Orenburgu i Tashkentskoi zheleznoi doroge s raspolozhennymi na nei gorodami* [Illustrated guide-book on the city of Orenburg and the Tashkent railway with the cities located on it]. Orenburg, Parovaya tipo-litografiya Dvorzhets Publ., 1908. 106 p. (In Russian)
5. Burlutskaya (Bannikova) E. V., Abdrakhmanov K. A. Progulki kak variant dosugovoi povsednevnosti gorozhan Orenburga vo vtoroi polovine XIX v. [Promenade as a version of the leisure in everyday life of the citizens of Orenburg in the second half of the 19th century]. *Klio*, 2018, no. 12 (144), pp. 87—92. (In Russian)
6. Vesnovskii V. A. *Ves' Chelyabinsk i ego okrestnosti: karmannyi spravochnik* [Chelyabinsk and its environs. A pocket guide]. Chelyabinsk, Tipografiya L. B. Breslinoi Publ., 1909. 138 p. (In Russian)
7. Gvozdikova I. M. Rezidentsii elity vlasti v Orenburgskoi gubernii v kontse XVIII — seredine XIX v. [Residences of the power elite in the Orenburg province in the late 18th — mid 19th century]. *Reka vremeni. 2012: Mir yuzhnoural'skoi usad'by: sbornik statei* [River of time. 2012: World of the South Ural Manor. A collection of articles]. Ufa, 2012, pp. 38—70. (In Russian)
8. Degtyarev D. S. Dachnye mestnosti v prigorode Tomska v kontse XIX — nachale XX v. [A country-holiday areas in the suburbs of Tomsk at the end of 19th — beginning 20th]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2015, no. 4-1 (88), pp. 99—103. (In Russian)
9. Degtyarev D. S., Tikhobaeva L. S. Istoriko-geograficheskie obrazy dachnykh i kurortnykh mest Altaya vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Historical-geographical images of resorts in Altai in the 2nd half of 19th — the beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2016, no. 4 (92), pp. 57—61. (In Russian)
10. Kenigsberg M. M. *Opyt mediko-topograficheskogo issledovaniya g. Orenburga (s kartoi goroda, tablitsami i diagrammami): dissertatsiya na stepen' doktora meditsiny M. M. Kenigsberga* [The experience of medical and topographic research in Orenburg (with a map of the city, tables and diagrams). Dr. Dis.]. St. Petersburg, Semenovskaya tipo-litografiya Publ., 1886. 202 p. (In Russian)
11. Lovell St. Ol'ga Malinova-Tziafeta. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860—1914)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-

Peterburge, 2013. 336 s. [From the City to the Dacha: Social and Cultural Factors of Appropriation of Summer Space around St Petersburg in 1860—1914. St Petersburg : European University at St. Petersburg Press, 2013, 336 pp.]. *Antropologicheskii forum — Antropologicheskij forum*, 2014, no. 20, pp. 386—389. (In Russian)

12. Malysheva S. Yu. *Prazdnyi den', dosuzhii vecher. Kul'tura dosuga rossiiskogo provintsial'nogo goroda vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Idle day, leisure evening. The leisure culture of the Russian provincial city of the second half of the 19th — early 20th centuries]. Moscow, Academia Publ., 2011. 192 p. (In Russian)

13. Malinova-Tziafeta O. Yu. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860—1914)* [From the City to the Dacha: Social and Cultural Factors of Appropriation of Summer Space around St Petersburg in 1860—1914]. St. Petersburg, Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge Publ., 2013. 336 p. (In Russian)

14. Mikhailov M. *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchikh oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1* [Orenburg letters for those wishing to get acquainted with Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Aleksandrovsky and the road through the Kyrgyz steppe to Fort No. 1]. St. Petersburg, Tip. N. Tiblen i K° Publ., 1866. 110 p. (In Russian)

15. Musaev V. I. *Russkaya dachnaya zhizn' na Karel'skom peresheike v kontse XIX — nachale XX v. i finlyandskoe obshchestvennoe mnenie* [Russian country life in the Karelian isthmus in the late 19th — early 20th century and the Finnish public opinion]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*, 2016, no. 4, pp. 160—176. (In Russian)

16. Nebol'sin P. I. *Rasskazy proezhhego* [Passenger stories]. St. Petersburg, Tip. Shtaba voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1854. 345 p. (In Russian)

17. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 417, July 9. (In Russian)

18. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 419, July 11. (In Russian)

19. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 421, July 14. (In Russian)

20. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 437, Aug. 2. (In Russian)

21. *Orenburgskaya gazeta*, 1900, no. 879, March 5. (In Russian)

22. *Orenburgskaya gazeta*, 1900, no. 892, March 21. (In Russian)

23. Perebeinos A. E. *Dachnyi otdykh — novyi vid letnego dosuga ural'skogo naseleniya v kontse XIX — XX v.* [Cottage rest is a new type of summer leisure for the Ural population in the late 19th — 20th centuries]. *XX Ural'skie Biryukovskie chteniya. Kraevedcheskie poiski i nakhodki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 125-letiyu so dnya rozhdeniya V. P. Biryukova* [XX Ural Biryukov readings. Local lore searches and findings. Proceed. of All-Russia scientific-practical conf. dedicated to the 125th birthday of V. P. Biryukov]. Chelyabinsk, Abris Publ., 2013, pp. 421—424. (In Russian)

24. Raikii P. D. *Putevoditel' po gorodu Orenburgu s ocherkom ego proshlogo i nastoyashchego, illyustratsiyami i planom* [Orenburg city guide with a sketch of its past and present, illustrations and plan]. Orenburg, Gub. tipografiya Publ., 1915. 178 p. (In Russian)

25. Stepanov S. V. *Obshchestvennaya i literaturnaya zhizn' okrestnostei Sankt-Peterburga (na materialakh istorii dachnoi mestnosti v Strel'ne)* [Social and literary life of the environs of St. Petersburg (based on the history of the countryside in Strel'ne)]. *Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva. Uchenye, politiki, zhurnalisty, deyateli kul'tury i iskusstva, pisateli, aspiranty vuzov, kollektcionery, veterany minuvshei voiny ob istoricheskoi i kul'turnom dostoyanii* [Cultural Heritage of the Russian State. Scientists, politicians, journalists, cultural and art workers, writers, graduate students of universities, collectors, past war veterans on historical and cultural heritage]. St. Petersburg, Vserossiiskoe obshchestvo okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury Publ., 2018, pp. 80—85. (In Russian)

26. Stolpyanskii P. N. *Gorod Orenburg: materialy k istorii i topografii goroda* [The city of Orenburg: materials for the history and topography of the city]. Orenburg, Orenb. gub. tip. Publ., 1908. 400 p. (In Russian)

27. Sudorgina T. V. “Voda i gryazi iletskie chudodeistvenny...” [“The water and mud of Iletsk are miraculous...”]. *Vechernii Orenburg*, 2003, Aug. 20. (In Russian)

28. Teploukhov K. N. *Memuary: 1899—1934* [Memoirs: 1899—1934]. Moscow, List N'yu Publ., 2011. 717 p. (In Russian)

29. Khokhlov I. S. *Geografiya Orenburgskoi gubernii. Opisanie Orenburgskoi gubernii v fizicheskom, etnograficheskom i administrativnom otnosheniyakh* [Geography of the Orenburg province. Description of the Orenburg province in physical, ethnographic and administrative relations]. Orenburg, Tip. Orenb. dukhovnoi konsistorii Publ., 1896. 139 p. (In Russian)

30. Chernov I. V. *Zametki po istorii Orenburgskoi gubernii general-maiora I. V. Chernova* [Notes on the history of the Orenburg province]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2007. 272 p. (In Russian)

31. Shleyuk S. G. *Vklad orenburgskogo kuptsa A. A. Belova v sozdanie gorodskogo obshchestvennogo dosugovogo prostranstva naberezhnoi reki Ural* [The contribution of Orenburg merchant A. A. Belov to the

creation of urban public leisure space of the Ural river embankment]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 3 (27), pp. 217—231. Available at: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/19_27_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.19. (In Russian)

32. Lovell St. *Summerfolk: A history of the dacha, 1710—2000*. Ithaca and London, Cornell University Press, 2003. XVII + 260 p.